

А МОЖЕТ БЫТЬ, ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ПОРА?

ВРЕМЯ от времени, но не реже, однако, чем раз в месяц, раздаётся истиннейшая вопль театральная общественности:

— Нужно оздоровить советскую эстраду!

— Пора уже покончить! — Пора, пора! — восклицают директора и режиссёры театров малых форм.

— Ох, давно пора, — вздыхают актеры втих же театров.

Мы приводим эту выдержку из фельетона, написанного ошине тридцати лет назад Ильей Ильф и Евгением Петров новоязля себе некоторые преувеличения. Впрочем, впрочем, заново. Если не раз в месяц, то не реже чем раз в год такая тема поднимается в печати. Мы решили следовать установившейся традиции, тем более, что оснований для этого вполне достаточно.

Возвратимся к разговору, который мы вели год назад в статье, названной «Поговорим о театре эстрады». Не вобщем о советской эстраде, а о Мобновском театре эстрады. Тогда нас упрекали в том, что упомянутая статья испортила празднество новоселья, которое справляла эстрадная общественность, получившая новое и превосходное здание для своего театра. За чём, дескать, в такой торжественный день напоминать о грехах? Лучше бы поздравили эстраду.

На сей раз мы, видимо, влять не угодим тем, кто любит песнопения. Приближается ведь годовщина празднична открытия нового здания Московского театра эстрады, обособовавшегося на Берсеневской набережной, но мы не бьем в литавры, не прикасаемся к тимпанам. А мы снова — о грехах. Что делать, пора, пора оздоровить...

Итак, прошёл год. Чем же обрадовал зрителей Театр эстрады? Что внес бы в сокровищницу эстрадного искусства?

Не будем томить читателей спомоком достижений и благодеяний. Снаком прямо — Театра эстрады не существует. Нет, это не наши мажоры. Точнее — это не только наше. Об этом говорят и выдающиеся артисты эстрады Л. Миrows и А. Менакер, драматург В. Духовичный, режиссёр А. Конииков и даже... главный режиссёр Театра эстрады К. Шаров.

А что, собственно, находится в здании на Берсеневской набережной? Концертная площадка. Концертный зал Всероссийского гастрольно-концертного объединения. Такой же зал для концертов, как Колодный в Доме союзов, как в Центральном доме культуры железнодорожников, как при гостинице «Советская» и т. д. и т. н.

В самом деле, что же это за театр, если он не имеет ни своей труппы, ни, что еще более важно, своего лица, своего творческого кредо, выражающегося языком науки. Все, что здесь показывалось на протяжении года, носило случайный характер. И концерты случайные, и «вечера песни», и почему-то «вечера поэзии» и так называемые эстрадные представления, наепех сколоченные, о которых главный режиссёр ничего сказать вразумительно не может.

По какому же плану велась эта работа? Что собственно, возглавляло художественное руководство театра? А ничего не возглавляло. Возглавлять было нечего, кроме выкомпанирующего оркестра да обслуживающего персонала. А дальше что?

Наступил Новый, 1962 год. Что сегодня на афише теат-

ра? Концерты Ленинградской эстрады, вечер песни Розы Гордеевой, спектакль «Идилок».

Как видите, читатель, дают что бог послал. Благо, бог послал «Идилок», которые независимо от Театра эстрады и не по его вине представляно разгитрывают Ш. Миронина, А. Менакер и А. Вайль вот уже два года.

С таким же успехом театр может предоставить свою сцену мюзикольному представлению, созданному А. Конниковым, Л. Мирониным и М. Новиком, оркестру Л. Утесова, Ленинградскому театру миниатюр А. Райкина и т. д. и т. н.

А что же делают сам Театр эстрады и его руководство? Только предоставляют сцену? Разве в этом состоит их задача?

— Да, а что? — возмущается главный режиссёр Всероссийского гастрольно-концертного объединения В. Познайский. — Вачем театру лицо?

В его труппе ровно тысяча триста артистов — весь национальный состав ВГКО. Пусть они и вытупают. Пусть они и будут еще труппа, лицо театра, всё, так сказать, творческий лик.

Значит, ВГКО полагает, что находящийся в его ведении Мобновский театр эстрады и не должен быть никаким театром, а просто обкомованным концертным залом, площадкой для всех, кто может и хочет ее арендовать? Да, очевидно, такую организацию творческую «переваривают» руководителю ВГКО Н. Стрельников осуществляют легко — надо просто сделать вывеску над сценом на Берсеневской набережной, где вместо слова «театр» будет красоваться «зал».

Нуужели так-таки и будет? А как же все красивые слова насчет того, что вновь рождающийся Московский театр эстрады станет творческой лабораторией, экспериментальной базой для всего эстрадного искусства? А ведь в

ВГКО гремели такие слова. А где же будут группироваться лучшие драматургические силы, работающие на эстраду? А как же с мячтром, куда будут тягнуться со своими предложениями и замыслами, планами и исканиями режиссеры и композиторы, художники и актеры?

Значит, все это забыто? А поиски, новаторство, изобретательство, находки? Как же так, товарищи Стрельников и Познанский, пусть театр превратятся в зал? И тысяча триста артистов ВГКО будут «труппой» этого зала?

А сколько надежд возлагалось на то, что лучший артистический зал эстрады (пусть зал, а не путающийся название «театр») ВГКО сделается прокатной площадкой, и подобным центром исканий и что малые театральные формы именно здесь найдут свое пристанище!

Разве не удивительно, что в столице, среди большого скопления театров разных направлений, не нашлось места

малым формам, что нет у нас в Москве ни постоянного театра миниатюр, ни театра обозрений, ни мюзик-холла! Ведь все это когда-то было, процветало, приносило людям часы веселья и радости.

Что, оскудела творческая энергия, и тысяча триста артистов, числящихся в ВГКО, мешают его руководителям засуху рукава, пробудить ее от сна?

А может быть, действительно пора не полагаться на самомотк и на авось? Может быть, покончить с востоем, в котором пребывает Театр эстрады?

Ох, пора, давно пора!

И. АДОЙ,
В. ШЕВЦОВ.